

Личность в контексте культуры

Клэр Дани

КАРЛ ЮНГ: ИЗРАНЕННЫЙ ЛЕКАРЬ ДУШИ*

(перевод с английского Алексея Лисогора)

Часть III ДУШИ

«Мы смотрим на мир с неправильных позиций»

Да, вполне возможно, что мы смотрим на мир с неправильных позиций. Но стоит только нам поменять свою точку зрения и взглянуть на него с другой стороны, то есть не снаружи, а изнутри, как сразу же мы найдем все правильные ответы [1].

ВИДЕНИЯ

Внешние трудности не мешают внутреннему познанию себя

В годы войны, находясь на территории нейтральной Швейцарии, К. Юнг продолжает кропотливо изучать алхимию с религией. Если изоляция от международного сообщества, карточки на питание и перебои с поставками горючего серьезно осложняли внешнюю жизнь, то его внутренним познаниям самого себя ничто не могло помешать.

«Проснувшись как-то ночью, прямо в ногах у кровати я увидел фигуру распятого Христа, обрамленную по-небесному ярким светом – не совсем, правда, в натуральную величину, но отчетливую до мельчайших черточек;

* Dunne C. Carl Jung: wounded healer of soul. An illustrated biography. N.-Y.: Parabola books, 2000.

Продолжение. Начало: Развитие личности. – 2007. – № 2. – С. 233–247; № 3. – С. 239–247; № 4. – С. 219–237; 2008. – № 1. – С. 232–242; № 2. – С. 210–233; № 3. – С. 211–240.

и мне сразу бросилось в глаза, что тело его было сплошь из зеленоватого золота. До глубины души потрясло меня это непередаваемое по своей чудесной красоте видение.
<...>

*Зеленое золото – это как раз то самое жизненное качество, которое алхимики видели не только в человеке, но и во всей остальной неорганической природе, Оно выражает дух жизни, <...>, Антропоса, что оживляет всю Вселенную. <...> Этот дух влился буквально во все, даже в неорганику, будь то металл или камень. И мое видение отобразило не что иное как *filius mactocostī*, т.е. слияние образа Христа с Его вещественным аналогом» [2].*

Вещие сны
о судьбах
человечества

1946 год. Мисс Мэри, дочь премьер-министра Англии Уинстона Черчилля, беседует с К. Юнгом в Олдмеедингенском замке, расположенного в окрестностях Берлина. Именно Мэри Черчилль, заинтересовавшись трудами К. Юнга, свела с ним своего отца

Барбара Хана повествует еще об одном видении, с которым поделился с ней ужасно расстроенный К. Юнг: «Юнг признался мне, что именно в тот момент, когда новость о заключенном между Германией и Россией нечестивом альянсе подобно разорвавшейся бомбе шокировала всю Европу, его напрочь выбивает из колеи и донельзя расстраивает приснившийся отвратительный сон <...> что Гитлер – это “мессия дьявола”, но несмотря на это он, как таковой, все равно является орудием Бога. И еще он сказал мне, что ему потребовалось немало времени и сил, чтобы принять для себя эту идею» [3].

Это видение только дополнило тот «вещий сон», который, начиная с 1918 года, года окончания Первой мировой войны, постоянно преследовал К. Юнга.

«Усталый и изнуренный, я возвращался домой в родную Швейцарию из поездки по Германии. Моя одежда прожжена насквозь и все

тело сплошь покрыто ожогами, ибо там прямо на моих глазах разверзлись небеса и на города Германии, стирая их с лица земли, обрушился ливень всепожирающего огня. Интуиция говорила мне, что критическим станет 1940 год» [4].

Роковой 1940-й

А вот что непосредственно в 1940 году писал К. Юнг своему близкому другу англичанину Питеру Бейну:

«Дорогой Питер!

Вот и настал этот роковой 1940 год, которого я так ждал более четверти века. Не думал не гадал, что он принесет всем нам столько бед. Хотя я еще в 1918 году знал, что пожар, возникший на нашем северо-

востоке, постепенно охватит своим пламенем всю Европу, тем не менее больше у меня не было никаких других видений, позволивших бы мне заглянуть за 1940 год и узнать дальнейшую судьбу Европы. Этот год напоминает 26-й до н.э., когда мощнейшее землетрясение камня на камне не оставило от грандиозного храма Карнаки, став прелюдией к разрушению всех остальных прежних храмов, поскольку мир встал на пороге новой эпохи. 1940 – год нашего вступления в эру Водолея, год предостерегающей катастрофы эпохи New Age. <...>

Как трудно быть старым в эти смутные дни! Ты совершенно беспомощен и беззащитен. С другой стороны, просто несказанно счастлив, что отстранился от этого мира и сделался чуждым ему. Так что сейчас моя единственная отрада – это природа, а не общество людей и не наш теперешний мир. <...>

Осенью я обязательно возобновлю свои лекции <...> по индивидуационному процессу Средневековья. На сегодняшний день это единственная для меня вещь, действительно отвечающая современным требованиям. Ненавижу весь этот новомодный стиль вкупе с новыми так называемыми искусством, музыкой и литературой, а заодно и нынешнюю политику, но больше всего ненавижу этого провозглашенного нового человека. Да какой он новый?! Зверь зверем, как был троглодитом, так и остался им.

Питер, дорогой, всей душой с тобой и со старой доброй Англией!» [5].

В 1944 году К.Г. Юнг переносит сердечный приступ, после которого у его кровати в течении нескольких недель незримо стоит старуха с косой, а именно в этот период, когда он балансирует на грани жизни и смерти, он видит целую серию многозначительных видений.

«Я плыл высоко-высоко в космосе, а прямо подо мною далеко внизу мерцал, окутанный восхитительной голубоватой дымкой, Земной шар, во всей красе разворачивая мне свои океаны и континенты. <...>

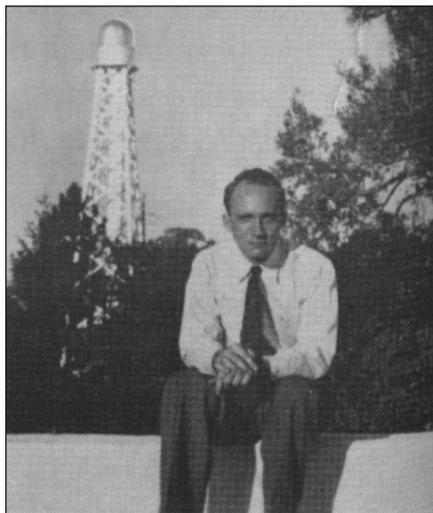
Я смотрел на нашу Землю – и это было самое прекрасное зрелище, когда-либо виденное мною.

С трудом оторвавшись от созерцания этого чуда, я перевернулся на спину <...> и не вдалеке от себя увидел огромную бесформенную каменную массу. Метеорит! Размером с мой дом или даже побольше. Он, как и я, тоже медленно плыл по этой черной бесконечности. <...>

Сразу за входом оказалась крошечная пещерка. Справа от порога на каменном уступе безмолвно сидел

На грани жизни
и смерти

«Я смотрел на нашу
Землю...»

Роберт Джонсон. Фото 1955 года.
Писатель и терапевт Роберт Джонсон
как мог содействовал утверждению
в Америке аналитической
психологии К. Юнга

в позе лотоса смуглый индус, одетый в какое-то белоснежное одеяние, и я сразу же понял, что он дожидался меня. <...>

Но пока я осторожно ступал по ступенькам, ведущим ко входу в эту скалу, со мной начало твориться что-то странное: я всем нутром чувствовал, как с каждым моим шагом все то, к чему так стремился, о чем мечтал и про что думал, потихоньку стало отшелушиваться от меня; вся фантасмагория моего суетного земного бытия по кусочкам отрывалась и ниспадала прочь – крайне болезненный, скажу я вам, процесс. Не знаю, почему, но это никоим образом не касалось всего того, что удалось мне сделать в жизни или познать на собственном опыте, а еще целым оставалось все произошедшее

со мной в жизни – все это оставалось со мной и, могу сказать, я сам был всем этим. <...>

Ощущения были просто жуткие! Осознание своего ужасного оскудения и одновременно чувство невыносимого переполнения, что, казалось, вот-вот лопну. Исчезло все, чего желал и к чему стремился. Осталась лишь моя объективно-реальная форма: я был тем, кем был и кем жил до этого времени. Мигом мною овладело чувство, что я аннигилировался, что меня прилюдно раздели и лишили, нагло ограбив, всего самого важного и необходимого. Впрочем, через некоторое время оно исчезло также внезапно, как и появилось, на сей раз уступив место ощущению несущественности всех этих потерь. <...>

«А храм уже совсем близко...»

А храм уже совсем близко и мои мысли целиком заняла уверенность, что скоро я упрусь в дверь, открыв которую попаду в залитую ярким светом комнату и встречу там всех тех людей, что окружали меня в земной реальности. И там, внутри, я наконец-то смогу понять – это я тоже уверенно знал – какой именно исторической цепи принадлежит звено моей жизни. Узнаю, что было передо мною, зачем и для чего я родился и куда в дальнейшем приведет меня жизнь. Раньше моя жизнь казалась мне своеобразным, без начала и конца, романом <...> оставляющим множество вопросов без ответов. Почему она шла именно этим курсом, а не каким-то другим? Зачем я принимал на себя те или

иные обязательства? И что мне удалось сделать? А что будет дальше? На все 100% был уверен, что как только я войду в этот храм внутри скалы, то получу ответ на все эти вопросы. <...>

Пока я так думал <...> откуда-то с зеленеющей внизу Европы отделилась и стала быстро приближаться ко мне какая-то смутно знакомая фигура, в которой чуть погодя я признал д-ра N. – или, скорее, это летела его оболочка, увенчанная золотым лавровым венком. И сразу же понял <...> что он несется ко мне в своей “первобытной” форме. <...>

Вот он встал напротив меня и между нами живо установился мысленный контакт. Д-р N. сказал, что Земля делегировала его сообщить мне, что протестует против моего ухода, что у меня нет никакого права навсегда покинуть планету и что я обязательно должен вернуться. Едва лишь он закончил говорить, как все видение тут же исчезло.

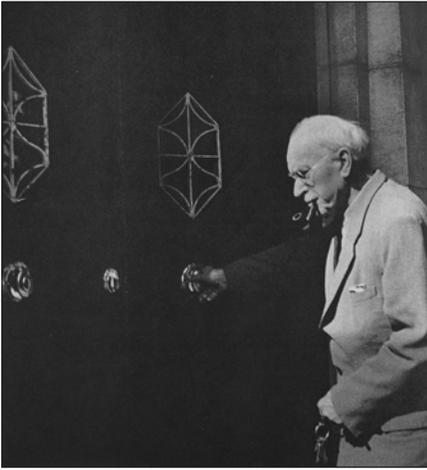
Меня охватило чувство глубокого разочарования: неужели это было зря? <...>

Фактически мне потребовалось добрых три недели, чтобы снова заставить себя жить. Я даже не мог есть, один только вид пищи вызывал у меня отвращение, не говоря уж про то, чтобы съесть хоть кусочек. <...> Жизнь и весь наш мир казались мне тюрьмой <...>

Ох, как нелегко далась мне те недели!.. Днем, как правило, на меня накатывало депрессивно-мрачное настроение <...> и я уныло думал: “Боже, опять я должен вернуться в этот скучный и однообразный мир...” Ближе к вечеру мне удавалось заснуть и более-менее нормально проспать до полуночи. Затем я просыпался и весь следующий час мое брэнное тело неотрывно тарщило глаза в потолок, пока я, испытывая неописуемый восторг, снова умиротворенным плавал по космосу, этому материнскому лону Вселенной, чудесным образом наполненное, несмотря на свой чистейший вакуум, максимально возможным ощущением неземного счастья. “Это же вечное блаженство! – думал я про свои полеты. – Настолько чудесные и замечательные, что их нельзя описать никакими словами”.

Какая очаровательная красота всюду окружала меня! <...> Вот я очутился в <...> саду гранатовых деревьев, посреди которого гуляла свадьба Тифелрета с Мальхутой. А может – я был равви Симоном бен Джохаен, чья свадьба праздновалась в загробной жизни. Мистическая свадьба в самых лучших каббалистических традициях. <...> А сутью был я сам: я и был этой самой свадьбой. <...>

«Заставить себя жить...»

К.Г. Юнг у себя в Кушнате

Постепенно гранатовый сад стал растворяться, исчезать, а на его месте возник празднично украшенный Иерусалим, где шло венчание Агнца <...> Несказанная радость вокруг. Ангелы и яркий-яркий свет. Я сам и был этим “Венчанием Агнца”.

И эта картинка потихоньку исчезла, сменившись третьим, последним видением. Я шел по широкой долине, в конце которой <...> классический амфитеатр <...> прекрасно вписанный в зеленый ландшафт. Там праздновались hierosgamos. Прекрасные девушки и юноши танцевали вокруг утопавшего в цветах ложа, на котором бог-отец Зевс и

Гера исполняли свой мистический супружеский долг, точь-в-точь как это описано в “Илиаде” Гомера.

Все эти развернувшиеся передо мною картины были такими восхитительными и чудесными <...> так фантастично прекрасными, что в сравнении с ними весь наш мир явно проигрывал своей нелепостью и смешотворностью. Но шли дни, я потихоньку возвращался к жизни, а они все слабели и слабели, пока на четвертую неделю, считая с момента появления первого видения, не исчезли совсем <...>

Мы как черти от ладана шарахаемся от мира “вечности”, а зря. Иступленный восторг, вот как я могу описать свои впечатления от этого чуть-чуть приоткрывшегося мне неземного бытия, где исчезает время, а прошлое, настоящее и будущее сливаются в одно целое, отображая в этом целом абсолютно все, что только было, есть и может случиться во времени.

Где ничто не размазывается по времени и ничто не измеряется временными мерками. В общем, я испытал такое состояние всех своих чувств, которого ну никак, как ни старайся, нельзя добиться одной лишь силой своего воображения, каким бы сильным оно не было. <...> Здесь ты полностью переплетаешься с этим просто неопишуемым целым, однако воспринимаешь его вполне объективно» [6].

«То, что в вечности бесследно растворяется временные узы, по рукам и ногам связывающие нас в этом мире, ничуть не лишает тамошнее бытие смысла. Там, образно выражаясь, у мизинца открываются глаза и он начинает воспринимать себя составным членом руки» [7].

«Мы как черти от ладана шарахаемся от мира “вечности”, а зря...»

И снова вспоминает Барбара Хана:

Подобно шаманским
практикам

«Когда он стал более-менее поправляться от этого ужасного приступа, я пришла в больницу навестить его и застала там Эмму. В тот день он очень ярко живописал нам с ней еще одну картинку посетившего его видения, про которое впоследствии он ни словом не обмолвился в своих “воспоминаниях” <...> сказал, что как только миновал кризис и самое худшее осталось позади, а он пошел на поправку, то почувствовал, что как будто его тело расчленили и порезали на мелкие кусочки, оставили в таком виде на довольно долгое время, а затем медленно снова стали тщательнейшим образом собирать их вместе. А ведь это очень хорошо согласуется с распространенными по всему миру шаманскими ритуалами, множеств примеров которых великолепно описал Мирче Элиаде в своей <...> книге по шаманизму. Так, например, что хоть в Сибири, хоть в Австралии кандидат для посвящения в тайны шаманизма “подвергается операции, при которой полубоги или праотцы расчлениют его тело и обновляют все его внутренние органы и кости. <...> При этом довольно часто они, восстанавливая тело вставляют в него различные кристаллы или символические камни”. Помню слова Юнга, сказавшего, что с этого дня он просто обязан собрать себя заново для жизни, что опять перекликается со строчками Элиаде: “Первобытный заклинатель, знахарь или шаман – это человек, который, однажды серьезно заболев, сумел сам же вылечить себя”» [8].

Послевоенные
воспоминания

Исторический день открытия второго фронта в Европе, ознаменовавшего скорее окончание II Мировой войны, К.Г. Юнг встретил все еще находясь на больничной койке.

Переживая
за судьбы Европы

«Наш так называемый мир – как будто затишье перед бурей, поскольку большая часть Европы до сих пор корчится в диких истерических припадках. Что неудивительно, когда кругом такая гигантская умственная, морально-нравственная, социальная и финансовая катастрофа. В свете все возникающих новых ужасающих фактах о жестокости и зверстве фашистов меня больше всего беспокоит соответственно первые два аспекта. <...>

Должен признаться, что пока Гитлер не пришел к власти, я до последнего продолжал питать свои радужные иллюзии, которые затем были радикально быстро сведены к нулю чудовищными достижениями немцев. Раньше я и подумать не мог, что человек настолько сильно может воплощать в себе абсолют-

нейшее зло. Конечно человек порочен, но зло, по крайней мере, носит вполне определенный характер, в то время как в Германии оно оказалось нравственно испорченным – там наружу повылезала вся падаль, вся мертвечина зла, невообразимо худшая любой нормальной дьявольщины. Но поскольку Германия не где-то там на Луне, а прямо у нас под боком, то я распространяю свои умозаключения на все человечество» [9].

В 1946 году К.Г. Юнг получает приглашение от Цюрихского университета на торжественный прием в честь Уинстона Черчилля.

Встреча с Уинстоном Черчиллем

«22 сентября 1946

Позвольте мне еще раз выразить свою благодарность лично Вам и всему Университету за приглашение меня на прием по случаю приезда Уинстона Черчилля и особенно за оказанную мне честь сидеть рядом с этим знаменитым гостем. Правда, мне пришлось пустить в ход всю свою изобретательность и проявить необычайный такт, чтобы беседа с этим крайне уставшим на вид человеком протекала на должном уровне. Тем не менее благодарю Вас за это одно из самых интереснейших событий всей моей жизни» [10].

«Дорогой д-р Якоби...

Боже, какое облегчение принесла мне Ваша новость, что Черчилль ничуть не тяготился нашим общением, как я того боялся. Ведь разговор с ним не был легок, поскольку свои ответы он адресовал главным образом Палате Общин. <...>

P.S. А я ведь чуть было не споткнулся от изумления, когда увидел, что предназначавшееся мне место оказалось рядом с Черчиллем – и где, на торжественном приеме в Университете! Чудеса, да и только <...>» [11].

Впоследствии им довелось встретиться еще раз – и по просьбе своей дочери Мэри, весьма интересовавшейся трудами К.Г. Юнга, У. Черчилль вновь настоял, чтобы их посадили рядом.

Работая в послевоенные годы над своей диссертацией по психологии религии, мисс А.И. Алленбай однажды решает написать К.Г. Юнгу.

К.Г. Юнг за обтесыванием камня. Боллинген, 1950 г. «Во время работы над ним стал реально осознать судьбоносную связь со своими праотцами <...>»

Дар разговаривать с внутренней личностью

«А он, совершенно не зная меня, кто я такая, не поленился и прислал мне, чего я никак не ожидала, текст еще не опубликованной своей статьи по Святой Троице. Когда же я впервые нанесла ему визит <...> то сперва ужасно трусила, но стоило мне едва лишь увидеть его, как мгновенно почувствовала себя так легко и спокойно, словно знала его сто лет, и, что интересно, все мои знакомые, встречавшиеся с ним, тоже рассказывают подобную историю. Потом мы много еще раз разговаривали на темы парапсихологии, синхроничности и оккультных наук, а когда вечером возвращалась к себе домой, могла запросто застать его там, сидящем в своем любимом кресле – то же лицо, одежда, руки – и понимала, что это не столько проекция запечатленного в моей памяти его образа, сколько коммуникация с реальностью. <...> Понимаете, он обладал уникальным даром разговаривать с сидящей внутри вас и напроочь откалывающейся проявляться личностью» [12].

Сущностью всей работы – внутреннее духовное развитие своей собственной личности

Как неоднократно указывал К.Г. Юнг в своих письмах и выступлениях, сущностью всей его работы было внутреннее духовное развитие своей собственной личности.

*«При лечении неврозов меня действительно первоначально интересует подход к *numinos* [сокрытое в человеке загадочное божественное начало, которое мы воспринимаем с суеверным страхом и дрожью], тут вы абсолютно правы. Ведь это и есть реальная терапия, которая вкупе с вашим личным опытом *numinos* полностью избавляет вас от пагубных патологий болезни, носящей, между прочим говоря, тоже *numinos*'ный характер» [13].*

«Из всех моих пациентов, перешагнувших за экватор своей жизни, т.е. которым за 35 лет, не было никого, чья первичная проблема не заключалась бы в отсутствии у каждого из них своей религиозной позиции. Все они жестоко страдали от потери всего того, что ныне существующие религии во все века давали своим последователям, и реально же вылечиться удавалось только тем, кто вновь сумел отвести свою религиозность, что в данном случае не имеет, естественно, ничего общего с посещением церкви и соответствующими убеждениями» [14].

Конец войны принес оживление общественной жизни

Конец войны приносит К.Г. Юнгу не только «море писем» и множество посетителей, но и возобновление нападков и обвинений в антисемитизме; в Цюрихе под его именем утверждается новый институт, а его психология религии, оказавшее чрезвычайно сильное влияние на многие умы, порождает издательский бум различных

теологических трудов, сам же К.Г. Юнг в этот период ведет активную и весьма обширную переписку как с католическими и протестантскими богословами, так и с еврейскими философами и мыслителями восточной школы.

В то время будущему писателю, а пока еще студенту Института К.Г. Юнга Роберту Джонсону было 27 лет, и вот как он рассказывает о своей неожиданной встрече с этим великим человеком:

Наставления
молодым

«В один прекрасный день <...> мне приснился один из тех основополагающих снов, что время от времени на что-то серьезно намекали мне в жизни. <...> Целый час расспрашивал преподававшую в нашем институте миссис Юнг, личность которой мне очень нравилась своей мягкой женственностью, интровертностью и чувством собственного достоинства. <...>

По-видимому в тот же самый вечер она поделилась с мужем моим сном, поскольку на следующее утро д-р Юнг позвонил мне на факультет и сказал: “Давайте идите ко мне, хочу обстоятельно поговорить с вами”. <...>

«Долг – внутренне работать над собою, все остальное само приложится»

Он встретил меня в саду и, не откладывая в долгий ящик, прямо там же принялся давать мне весьма интересные наставления по сну и объяснять мне, насколько важно и значимо для меня установление контакта с глубинными слоями совокупного подсознания, как мне следует дальше жить и чего ожидать от жизни, чему

верить, а чего никогда не пытаться делать и что не имеет ко мне никакого отношения. Почти три часа длилась его «лекция» – и было ясно, что я должен был внимательно слушать и ни в коем случае не перебивать. Воистину расписал каждый мой шаг! Заодно посоветовал мне почаще пребывать в одиночестве, выделить в доме специально изолированную комнату, в которой я без помех мог бы уединяться для путешествий вглубь себя, и никогда не вступать ни в какие организации и коллективы. Еще он специально несколько раз заострял мое внимание, что мне, относительно молодому человеку, приснился сон из второй половины жизни, который, тем не менее, обязательно должен быть прожит мною, не взирая на время, обстоятельства – подходящие или нет – и

Камень с алхимическими надписями, установленный К. Юнгом во дворе Боллингена. К своему 75-летию «как благодарное приношение»

К.Г. Юнг высекает на этом камне три алхистические надписи

возраст. Сказал, что подсознание в любом случае защитит меня и предоставит все необходимое для жизни; что мой долг – внутренне работать над собой, все остальное само приложится» [15].

Д-р Джордж Хогл приехал в Цюрих из послевоенной Германии в надежде найти ответы на поставленные перед ним жизнью вопросы. К. Юнг назначает ему встречу в Боллингеме.

Простота в общении

«Пройдя пешком сквозь небольшую рощу, я увидел возвышающийся на берегу озера небольшой замок, словно сошедший в это живописное место прямо из сказки. В ответ на мой стук массивная деревянная дверь медленно приоткрылась и на пороге возник, попыхивая трубкой, громадный работяга с зажатым в руке топором. Спросив его на ломаном немецком, могу ли я видеть герра доктора, на своеобразном английском услышал, что это он и есть – можете представить мое удивление, ведь я-то ожидал увидеть типичного благообразного профессора! Пока мы стояли на берегу и любовались прекрасными видами озера, он очень непринужденно, словно старому знакомому, которого давно не видел, стал рассказывать мне, как строил это свое убежище. Слово за слово – и мы постепенно втянулись в весьма острую и жаркую дискуссию по поводу международного положения, во время которой я убедился, что передо мной стоит самый обыкновенный и человечный – просто очень упрямый – старик, в обществе которого чудесным образом исчезли моя нерешительность с привычкой сдерживать все свои чувства.

Не так уж плохо высказывать свои чувства

И только удостоверившись, что помог мне осознать, мол, д-р Юнг – это вполне нормальный человек и что, оказывается, на самом-то деле вовсе не так уж плохо высказывать свои чувства, он проводил меня в дом, где вместе с присоединившейся к нам миссис Юнг я впервые стал участником изысканной швейцарской чайной церемонии. Потом, желая услышать самые последние новости из уст непредвзятого иностранца, только что вернувшегося из Германии, они вдвоем подробно расспросили меня о ситуации в этой многострадальной стране. В то время я еще ничего не знал об опять развернувшейся в обществе полемике насчет его возможных симпатиях к немцам, но уверяю вас, что не заметил в нем вообще никаких сочувствий нацистскому режиму. Он интересовался им лишь с единственной целью: хотел досконально понять его, вот и все.

Потом миссис Юнг покинула нас, и весь следующий час он, абсолютно нечего не зная про меня и зная все по своим пронизательным наблюдениям, любезно помогал

мне разобраться с тем делом, ради которого я и пришел к нему. Странное дело: вместо того чтобы ответить на мучившие меня вопросы, он сам поставил мне другие – как оказалось, гораздо лучшие – на которые сам себе я должен был ответить в течение следующих месяцев. Когда впоследствии, неоднократно вспоминая свою встречу с этим экстраординарным человеком, я размышлял над бесценным опытом общения с ним, то в моей голове сразу начинала витать какая-то смутная мысль, что ведь должны быть <...> и глубина во всей той работе, которой он занимается со всеми нами. Одиннадцатью годами позже <...> пройдя соответствующее обучение в Лондоне, я сам стал психоаналитиком» [16].

Ощущая груз
прожитых лет.
Вместо ответов
на мучившие
вопросы –
постановка новых

Разменяв восьмой десяток, К.Г. Юнг все явственнее стал ощущать давящий груз прожитых лет:

«А ведь <...> скоро стукнет 74. <...> Дважды в день принуждаю говорить себе: да нет, не так много! Хожу черепашьям шагом и подолгу отдыхаю, пока меняют запыхавшуюся черепашку. <...> Словно старый рыдван с пробегом 250 000 км, что никак не забудет про свою былую мощь в два десятка лошадей под капотом. Зато утешаю себя мыслью, что только дураки надеются обрести с возрастом мудрость» [17].

«Мы ведь не что
иное как ходячие
пережитки
прошлого»

«Дорогой д-р Оэри <...>

Понимая, какую тяжелую утрату вы понесли со смертью Альберта, скорблю вместе с Вами, ибо с его уходом ушел и мой последний остававшийся в живых друг. Мы ведь не что иное как ходячие пережитки прошлого, становясь с каждым прожитым годом все более и более таковыми, и мы давно уже не смотрим с вождением в мир будущего, предназначенного для жизни наших детей. Завиден жребий тех, кто уже переступил порог своего сознания – и как же сочувствую тем, кто из-за ограниченного кругозора и слепоты невежества плышет пассивно в полной темноте среди переливающихся всеми цветами радуги мира по течению реки своих прожитых дней, тем самым – оправдывая свое появление на свет – как бы выполняя свою жизненную задачу, и видит, что его существование, некогда дарованное ему до краев полным любыми возможностями и необходимой энергией, потихоньку крошится, осыпается и с грохотом рушится в бездну.

Да, не знай мы, что наша душа попадет в мир иной, где нет привычных нам понятий времени и пространства, старость была бы просто невыносимой. Наше рождение завершится смертью, знаменующей наше рождение, т.е. чаши весов останутся уравновешенными.

С искренним сочувствием – Ваш К.Г. Юнг» [18].

«Ученый и художник плюс искусный резчик и шаман»

Писательница и художница Мод Оукс, посетив Боллинген, оставила нам вот такой портрет К. Юнга:

«Он был высоким, крепко сбитым видным женщиной, правда слегка сутулым в силу своего возраста. В глубине его крайне живых глаз мерцали пронизательные огоньки, чувствительные губы выдавали наличие у хозяина незаурядного чувства юмора и большой толки упорства, в целом же, несмотря на простоту и скромность, от его фигуры веяло вековой мудростью и пониманием. Чудесный рассказчик, ровно и отличный слушатель. Ученый и художник плюс искусный резчик и шаман, вот в таком необыкновенном сочетании предстал он предо мною» [19].

В память о своем 75-летию К. Юнг устанавливает во дворе Боллингена, «как благодарное приношение», внушительный камень, на гранях которого высек три алхимических надписи, а «вот и объяснение ему»:

Вот стоит невзрачный серый камень,

Очень дешев по цене!

И чем сильнее он презирается глупцами,

Тем все больше нравится он мудрецу [20].

«Что характерно, то во время работы над ним стал реально осязать судьбоносную связь со своими праотцами. <...> Жизнь ставила им серьезные вопросы и мне всегда казалось, что должен разобраться с теми, что остались нерешенными – завершить или, быть может, продолжить все то, что оказалось не по плечу моим прародителям» [21].

«Поскольку нас не просто много, а очень много, то обязательно есть передсмотрящие, предупреждающие остальных о грядущих вещах. Частично и я взвалил на свои плечи такую обязанность – но должен быть крайне осторожен, чтобы не дай Бог, ненароком не уничтожить уже существующие. Никто ведь не будет так глуп, чтобы для кладки чердака ломать камни из фундамента дома, да и вообще, как можно построить сам дом, не залив сперва подходящего фундамента?» [22].

«Нет худа без добра: болезнь прошла – и у меня начался чрезвычайно плодотворный период работы, во время которого я написал немалую часть своих основных трудов. Случившийся инсайт, т.е. мои видения “вечности” дали мне необходимое мужество заняться новыми формулировками. Не пытаюсь больше идти вразрез своим собственным убеждениям, я полностью отдался ходу своих мыслей, в результате чего все насущные проблемы, сменяя друг друга, стали обрисовываться и проясняться для меня» [23].

Осязая связь
с праотцами

О «темной
стороне Бога»

Ответ Иову

Проблема зла, которой К. Юнг впервые озадачился еще в детстве, впоследствии постоянно ставила перед ним все новые фундаментальные вопросы относительно представлений человека о Боге, что в разного рода образных метафорах вездесуще пребывает с нами, и об их логическом влиянии на его жизнь. На протяжении многих лет подобные вопросы озвучивали также его пациенты, коллеги, друзья да и просто незнакомые люди на лекциях. Решив ответить всем сразу, он публикует книгу «Aion», в которой постарался подробно изложить многое из того, что качалось «темной стороны Господа», но затем находит, что этого явно недостаточно.

Спустя время на основе пережитого им видения он пишет еще одну книгу, «Ответ Иову» (в оригинале «Answer to Job»). Это довольно объемное видение заканчивалось финальной сценой, которая недвусмысленно демонстрировала основополагающие позиции и установки К.Г. Юнга:

В чем свобода
человека?

«Это была круглая комната с уходящими ввысь стенами, опоясанных поверху неширокой галереей, с которой перпендикулярно друг другу чуть нисходили, смыкаясь в центре, четыре моста, образуя своим переплетением нечто вроде чаши. Основание этой чаши, напоминавшей своей необычной формой ложе восточного султана, покоились на монументальной колонне. <...> В целом же вся конструкция являлась ни чем иным, как гигантской мандалой.<...>

Тут я вдруг заметил, что прямо из самого центра взмывает, почти теряясь в вышине, крутая лестница, <...> упиравшаяся прямо под незаметную дверцу в стене. В этот момент отец тихо сказал мне: “Сейчас я введу тебя в высшее общество”. Затем он преклонил колени и замер, коснувшись лбом каменного пола. Сразу разволновавшись, в душевном смятении я последовал его примеру, но замер, склонившись в поклоне, в каком-то миллиметре от пола. <...>

Я <...> понимал, что в знак своего полного смирения мне следовало бы полностью припасть челом к холодной плите, однако что-то помешало мне сделать так и удержало на весу буквально в одном миллиметре от нее. Кто-то сидящий внутри меня нашептывал мне: “Давай, поклонись как можно ниже, но не до конца”. Этот кто-то – крайне дерзкий – решительно противился быть глупой бессловесной рыбой – и вот если б не было нечто подобного в человеке, обладающего свободой выбора, разве была бы написана Книга Иова за несколько веков до пришествия

в мир Христа? Ведь даже вопреки непреложным указаниям самого Бога человек во все времена.

Обязательно делал для себя мысленную оговорку – а будь иначе, в чем заключалась бы тогда его свобода? Да и какая была бы польза от такой, с позволения сказать, свободы, если она не смогла бы угрожать Тому, кто сам угрожает ей?» [24].

Достоинная заявка на книгу! Но К. Юнгу потребовались еще ощутимый толчок изнутри, «преодоление огромных внутренних препон» и определенное мужество, чтобы написать книгу, которая, как он уже заранее знал, породит против него целый шквал яростных нападок.

«Принудило привидение, взяв меня за шиворот»

«Как появилась эта книга? Очень просто: принудило привидение, взяв меня за шиворот <...>

Когда я в жару боролся с лихорадкой, оно внезапно и крайне неожиданно напало на меня <...>

И все как будто сопровождалось величественной музыкой Баха и Генделя. <...> Конечно же на самом деле я ничего не слышал, просто внутри было такое чувство, будто воспринимаю на слух гениальнейшее произведение <...> А впитываемая мною его суть осязалась как раскрытие божественного сознания, частью которого я теперь являлся, а заодно уравнивала мой внутренний баланс, ибо я явственно осознавал происходящее со мной это развитие» [25].

Амбивалентный образ Бога

Ветхозаветная книга Иова, датируемая 600–300 годами до н.э., сталкивает нас с амбивалентным, противоречивым образом Бога. Праведный Иов, которого за благочестивую жизнь Господь наградил большими благами, пал жертвой клеветы сатаны пред Богом: «Разве даром богобоязнен Иов? Отними у него все, что у него есть – благословит ли он Тебя?» (Иов. 1, 9–11); «За свою жизнь отдаст человек все, что есть у него: но коснись его костей, его тела – увидишь, благословит ли он Тебя» (Иов. 2, 4–5). Бог разрешил дьяволу отнять у Иова все, что он имел: многочисленные стада скота, богатство, детей, доброжелательность и расположение его жены и друзей, и, наконец, здоровье.

Ища помощи Бога против самого Бога

Но Иов остался тверд в вере, не потерял надежды на милосердие Божие и только просил Господа засвидетельствовать, что он терпит все невинно. Он ищет помощи Божией против самого же Бога, таким образом признавая Божественную природу как «Спасителя», с одной стороны, и «Ужасного» – с другой. В конце концов Иов перестает взывать к Его справедливости и смиряется, целиком отдавая себя во власть Всемогущего Творца: Я знаю, Искупитель мой жив и он в последний день воз-

Добро и зло
как составные
части целого

ставит из праха распадающуюся кожу мою сию» (Иов. 19, 25), – и Бог во сто крат лучше вознаграждает своего верного раба.

«Ответ Иову» противоречила тогдашнему христианскому мышлению «*privation boni*». Зло, с точки зрения христианства, – это полное отсутствие добра; оно абсолютно чуждо Богу и только на человеке целиком и полностью лежит ответственность за любое, даже самое малейшее его проявление. К.Г. Юнг же признает показанную в Книге Иова «Божественную тьму» и утверждает, что добро и зло, являясь составными половинками одного парадоксального целого, оба содержатся в концепции Бога – идея, долгое время главенствовавшая в восточных религиях.

*«Психологический опыт показывает, что любая вещь, отнесенная нами в категорию «добра», в равной степени уравнивается «плохим» или «злым». Если «зло» не существует, тогда абсолютно все должно быть «добром». Догматически ни «добро», ни «зло» не могут происходить от Человека, поскольку само «Зло» уже существовало до человека как один из «Сыновей Бога». А идея *privatio boni* начала играть свою существенную роль только после Мани.*

Но задолго до появления этой ереси Климент Римский уже учил, что Господь властвует миром двумя руками: правой, Христом, и левой, Сатаной. Раз Климент Римский объединял две противоположности в одно целое, Бога, то несомненно его точка зрения является монотеистической.

Однако же позднее христианство – дуалистическое, поскольку оно еже выделяет из целого одну противоположность, олицетворенную Сатаной, предавая ее вечному проклятию. <...> Если сегодня христианство заявляет о себе как о монотеистической религии, то это несомненно влечет за собой предположение о наличии противоположностей в самом Боге» [26].

Шок ученых-теологов и принятие мирян-любителей

Представьте только себе, сколь много богословов и ученых-теологов было шокировано этим заявлением. Германский тираж книги оскорбил лучшие чувства представителей трех религий, а большинство критиков разнесли ее в пух и прах. Впоследствии К.Г. Юнг описывает этот период, как время «лавины предубеждения, неправильного понимания и невообразимой тупости». Напуганные реакцией Европы американские издатели так вообще отказались было сперва публиковать эту книгу; когда же они рискнули напечатать ее и выпустить в продажу, то она разошлась в считанные дни:

заинтригованные люди, как правило знавшие о Библии лишь со слов других, в любопытстве расхватили ее с прилавков как горячие пирожки. Наиболее благосклонно приняла книгу молодежь; самые восторженные письма К. Юнг получил от простых людей.

По словам самого К. Юнга, он писал эту книгу «не как ученый-богослов, а как мирянин-любитель», который тем не менее «вел разговор от имени многих», чувствующих то же самое, что и он. И хотя он «никоим образом не намеревался заявлять никаких вечных истин», все же он надеялся «встретить в обществе глубокомысленность». И не только со страниц книги эмоционально-сильно звучит его голос, но и в последующей после ее публикации многочисленной переписке.

Вот что, например, он писал священнику Эрасту Эвансу:

«Позвольте мне выразить вам всю свою глубокую признательность и благодарность за такую вашу настоящему объективную рецензию на мою грубоватонеуклюжую попытку согнать эту противную дремоту с наших церковных настоятелей – а именно в этом вижу я роль своей чертовой книжонки. <...>

Признание в «нравственной трусости» священнику мирянина

Уверяю Вас, что не сыскать на свете более нравственного труса, нежели чем я. Веду себя сейчас как добропорядочный бургер – ниже травы тише воды, ибо до сих пор пребываю в шоке от всей той кучи совершенных мною неблагоприятных поступков. Проклинаю себя и клянусь, что больше – ни-ни! Хватит, хочу жить в мире со своими соседями и спать со спокойной совестью. Не враг же я самому себе, чтобы по доброй воле прыгать в кипящий котел!

Ну да ладно, хватит аффектированности. Вот что я хочу сказать вам в частном порядке: не моя вина и не моя заслуга, что в связи с этой публикацией я стал мальчиком для битья. Но тот маленький дрожащий трусишка, кем Я, собственно говоря, и являюсь, продолжает жалобно хныкать: ну почему, почему на меня всегда сыпаться все шишки?

Говорю вам все это лишь потому, что по отношению ко мне вы были тактичны, справедливы, беспристрастны и снисходительны. “Невежливый” – слишком мягкая характеристика человека, по воле Божией сломавшего себе ногу или потерявшего долгожданного первенца. <...>

Вот такова одна из сторон моего опыта познания всего того, что называется одним кратким, но емким словом “Бог”. Определение “невежливый” тут не под-

ходит – слишком слабое. А вот “грубый, вспыльчивый, яростный и жестокий; злобный, бессердечный, кровожадный и демонический” – в самый раз. Безумно люблю свою семью – и только благодаря этому да еще своей изящной трусости я не был таким уж откровенным богохульником. К тому же на каждом шагу меня еще сдерживало одно блаженное видение, о котором я лучше умолчу» [27].

Серьезные дебаты
с богословами
ученого

Затем на протяжении многих лет он ведет серьезные дебаты более чем с семьюдесятью католическими и протестантскими богословами, твердо отстаивая в письмах свою позицию, что в своей книге он говорил не о природе Бога, этой «тайны тайн», не о «Существе, которого невозможно охватить мыслью», а о том, «как человек представляет себе Бога», об «образе Божьем», при этом всегда доказывая, что между Богом и человеком, человеком и Богом устанавливаются эволюционные взаимоотношения.

Из письма к епископу Виктору Уайту:

«<...> Мне кажется, все дело просто в контаминации несоответствующих друг другу понятий Добра и Существа. Давайте предположим, что Добро – это нравственное, а не вещественное суждение, тогда получается, что Зло, такое же нематериальное, является противоположностью Добра. Если же допустить, что Добро – это Существо, следовательно Зло – не что иное как не-Существо. <...>

На самом деле все очень просто, стоит лишь Вам только признать, что Добро и Зло не имеют ничего общего с несоизмеримой концепцией Существа. <...>

Добро и зло – субъективные нравственные категории

Разве Вам, богослову, невозможно признать очевидный факт, что Добро и Зло – это всего лишь нравственные категории, причем субъективные? Ведь нет ни малейшего доказательства идентичности Добра и Существа. Бог же, несомненно – это само Существо, называемое Вами Summum Bonum» [28].

Из письма к преподобному Мортону Т. Кисли:

«<...> Что ж, вполне реально можно предположить, что такое благородное, такое возвышенное и такое идеальное Summum Bonum в то же время так непостижимо и так далеко, что абсолютно выше нашего понимания. Но ведь также ровно можно допустить, что эта максимально отдаленная от нас реальность, олицетворяющая все возможные качества своего мироздания, своей доброты и доброты, своего здравомыслия и интеллекта, своего сознания и заодно все их противоположности, воспринимается нашим человеческим разумом как парадокс из парадоксов. Последнее прекрасно отвечает всей

истории существования человечества, тогда как первое допущение не может объяснить и оправдать очевидное наличие в мире зла и страдания. Откуда же происходит зло? Лишь предположив сперва существование – главным образом, подсознательное, – Бога, мы наконец получим ответ на этот стародавний вопрос.

Такая модель прекрасно объясняет, почему Бог, сотворив человека, наделил его сознанием, и почему он стремится воплотить в нем Свою конечную цель. В этом Ветхий и Новый заветы сходны с буддизмом. «Бог не благословляется и не освящается в своей [сущей] божественности. Для этого Ему нужно навечно родиться в человеке», – писал Экхарт. А ведь именно это произошло в случае с Иовом: глазами человеческого сознания Творец смотрел на самого Себя. Вот вам и причина, почему Бог должен стать человеком, и объяснение, почему человек постепенно наделяется этим опасным исключительным правом обладать божественным «разумом». Вспомните, как говорил Сам Христос: «Вы – боги», – и несмотря на это, человек даже еще не начал познавать себя» [29].

В «Ответе Иову» К.Г. Юнг, рассматривая двойственность Божьего образа еще и в свете его отражения на человечество, пишет: «Парадоксальный образ Бога вынуждает человека согласиться со своей собственной парадоксальностью». Соответственно, этот конфликт противоположностей в своей наиболее острой форме доставляет людям немало тяжелых страданий и суровых испытаний, которые при стойком их перенесении могут быть благополучно преодолены.

«Только через крайне опасный подобный конфликт христианин приобретает бесценный опыт высвобождения в себе божественной природы, правда, всегда при условии, что он полностью принимает в себя Бога. Только в этом единственном случае *imago Dei* осознается человеком и Бог становится человеком <...>» [30].

«До сего дня христианская церковь <...> [признает] Христа как единственного Богочеловека. Но Дух Святой, третье лицо Святой Троицы, пребывая в людях, разве не обожествляет многих из них? И, следовательно, тут же встает вопрос: являются ли эти многие полностью Богочеловеками? <...> Тут уместно вспомнить ап. Павла и его раздвоенное сознание: он воспринимал себя, с одной стороны, апостолом, призванного и просвещенного самим Христом, а с другой – ужасным грешником, в полной власти поработившего его беса. То есть на этом характерном примере очень хоро-

Двойственность
Божьего образа
в свете его
отражения
на человечество

шо видно, что даже просвещенный человек остается тем, кем он есть на самом деле, и никогда не поднимается выше своего ограниченного эго перед Тем, Кто пребывает внутри него и Кто окружает его со всех сторон, чья незнающая никаких границ форма непостижима, как бездна пучины, и безбрежна, как небо» [31].

К. Юнг и христианство

Критикуя христианство изнутри, разделял взгляды других религий

«*Меня сожгут как средневекового еретика*», – не единожды близкие друзья К. Юнга слышали от него эти слова. И правда: критикуя христианство изнутри, он параллельно разделял взгляды других религий.

«*Положительно не верю, что христианство – это единственная по-настоящему истинная религия. Буддизм и другие вероисповедания не менее истинны*» [32].

«*Иисус, Будда, Лао-Цзы – для меня это все колонны одного величественного храма духа. И никому из них я не могу отдать своего предпочтения*» [33].

«*Как бы я хотел, чтоб наши богословы приняли бы для себя наряду с каббалой вероучения Индии и Китая – это помогло бы им гораздо яснее и более точно выразить все проявление Бога в жизни человека. И если при этом христианство стало бы полностью соотноситься с их сутью, это было бы ad maiorem Dei gloriam [только для большей славы Господа] и не причинило бы христианской доктрине никакого вреда*» [34].

Христианство «задохнется в традиционализме»

«Христианский символ – живой человек, что несет в самом себе семена своего дальнейшего развития», – утверждал К.Г. Юнг, не считавший христианство статической религией, две тысячи лет назад возникшей сразу же в своей нынешней форме. Хотя «сейчас его устои все так же неизменны в своей вечности», «христианство должно быть заново истолковано», в противном случае «оно просто задохнется в традиционализме».

«*Вместо устремления к той заветной цели, к которой ведет нас дух, мы до сих пор в величайшем изумлении оглядываемся на события Пятидесятницы. Вот поэтому и только поэтому человечество полностью не готово ко всему грядущему. Духовное наитие толкает человека ко все большему познанию, через которое он раздвигает рамки сознания, но одновременно уходит прочь от своих религиозных истоков, поскольку более он уже не понимает их. Тут могли бы помочь его духовные лидеры и наставники, но они сами пребывают в трансе, загипнотизированные начавшейся некогда новой эры сознания, неспособные поэтому ни понять, ни объявить скрытый в них смысл. «Дух Святой» – вот та побуждающая сила, что расширением*

История как «постепенное воплощение в человеке Создателя»

нашего сознания и наложением большей ответственности в итоге обогащает наше познание. Таким образом реальную историю можно рассматривать, как постепенное воплощение в человеке Создателя» [35].

«Постепенное воплощение» вовсе не означает слепое копирование основателя христианства. «А как вы кладете на сердца своей пастве мысль, что смерть Христа и Его последующее воскресение из мертвых – это их смерть и их будущее воскресение?» – спросил как-то раз К. Юнг одного священника. Каждый человек берет свой собственный крест противоположностей и исключительно индивидуально и полно – как сделал это Иисус в своей жизни – стойко переносит все связанные с ним собственные страдания.

«Христос <...> достойнейше пронес по жизни свой крест и, не считаясь со своей человеческой условностью и вопреки своей божественной природе, окончил на нем же свои земные дни как проклятый еретик в глазах иудеев и как безумец в глазах своей семьи. А мы? Мы подражаем Христу в надежде, что Он помилует нас и избавит от гибели. Покорно тычемся, как овцы, вслед за пастырем, предвкушая ожидающие нас впереди изобильные пастбища, не смея даже заикнуться об объединении нашего «Низа» и «Верха». Хотя именно Христос избавляет нас Своим Крестом от этого конфликта, сами мы предпочитаем его не касаться. <...> Казалось бы, бери свой крест, неси его по жизни – так нет же, лучше мы Христа нагрузим бременем своих нерешенных конфликтов. Подставляем спины под Его Крест, а не под собственные <...> забывая, что Крест Христов – это Крест Христа и ничей больше. Да, гораздо лучше подлезть под чей-нибудь крест, который и так уже несетя его страдальцем, чем тащить, напрягаясь, свой собственный под градом издевательских осмеяний сквозь презрение нашего мира. Но этот путь, такой привлекательный своим комфортом, уже укореняющийся в традицию и превозносящийся как благочестивый – донельзя фарисейский, ничего общего не имеющий с тесным путем истинного христианина. Тот, кто стремится копировать Христа, кто нагл до такой степени, что мечтает взять на себя Его Крест, хотя даже не в силах тащить свой собственный, то по моему мнению такой человек еще не постиг даже азов миссии христианства.

Понимает ли ваша паства, что они просто обязаны, отбросив в сторону традиционное учение, смело пройти сквозь мрак своих собственных души, чтобы в итоге стать тем, чей образ предопределен у каждого

«Жизни Иисуса Христа есть прототип индивидуации»

конкретной внутренней индивидуальной задачей, и что никто, повторяю, никто другой не в силах выполнить эту задачу за них? Мы изо дня в день молимся: «Да минует нас сия чаша, не причинив нам никакого вреда». Даже Христос взывал об этом Богу-Отцу, но, увы... <...> А если взглянуть повнимательнее, то не составит никакого труда заметить, что в абсолютно каждой характерной черточке жизни Иисуса Христа есть прототип индивидуации и, следовательно, никоим образом не может быть сымитирована: человек не может прожить свою собственную жизнь один к одному жизнью Христа – последствия не те будут» [36].

«Религия – это защита от религиозного опыта»

К.Г. Юнг считал, что по сравнению непосредственно с учением самого Христа нынешнее христианство потеряло контакт с наиболее существенными элементами жизни и поэтому нуждается в восстановлении былой целостности. «За прошедшие две тысячи лет христианского учения мы полностью оторвались от земли» [37], – писал он, подразумевая, что уход человека от своих природных корней от своей «первобытности» с подавлением внутри себя Эроса и обуздыванием полета творческой фантазии отчуждили его от собственных инстинктов и внутренних побудительных сил. Что «благоговейная официальная религия», что просто личное чрезмерное упование на Господа, оба этих пути являются путями *гнозиса*, то есть прямого познания божественной истины. «Религия, – говорил К.Г. Юнг, – это защита от религиозного опыта».

Получив в подарок первый том изданных гностических документов IV века, в 1945 году найденных в местечке Наг Хаммади, он обнаруживает в них подтверждение многим своим идеям, включая мысли по индивидуационному процессу и религии как гнозиса.

Значение личного опыта в религии

«Вспомните апостола Павла и его обращение в христианство. Не на основе постепенно складывающихся интеллектуально-философских убеждений дачаяний пришел он к Богу, а мгновенно, непосредственно через познанный личный опыт. Вот на чем стала зиждется его вера; наше же современная теология поставила все с ног на голову: говорит, что сперва мы должны просто поверить, а уж потом набраться духовного опыта. Подобное реверсирование втягивает людей в ошибочный рационализм и исключает возможность религиозного опыта» [38].

«Странно, не правда ли: утратив само знание, люди говорят о вере. Но вера и неверие – не более чем суррогаты. Вот naïve primitive не верит в Бога – он знает Его, поскольку в равной степени опирается на

свой духовный и жизненный опыты. Чуждый всякой теологии, он не попадает в сети понатыканных там ловушек-концепций, а просто подкорректировывает – по необходимости – свою жизнь под внешние или духовные события, нисколько не сомневаясь – в отличие от нас – во все новом их проявлении. Он живет, получается, в гармоничном цельном мире, тогда как мы – всего лишь в одной его половинке, веруя или не веруя в существование другой, которую сами же стерли из нашего бытия своим так называемым «духовным развитием»: изобрели для себя электрический свет, вот и живем круглые сутки при его свете, при этом веруя или нет – до чего нелепая ситуация! – в солнце» [39].

Христианство как союз непримиримых противоречий

Христианство было для К.Г. Юнга союзом одних сплошных непримиримых противоречий. Так, отдавая должное «личной совести» протестантов нежели чем «авторитарному коллективизму» католиков, в то же время он нещадно критиковал протестантизм за утрату символики и ритуальности, за его чересчур рационалистическое, «привязанное к Библии», «однопостасное» вероучение. Католицизм же привлекал его своим «непрерывным откровением» и почитанием Девы Марии как Царицы Небесной и Утешительницы.

«Моя внутренняя борьба за объединение в себе в одно целое протестантизма с католицизмом оборачивается типичным фарисейством, доказывающим полное отсутствие у меня твердого характера [40]», – сетовал он в одном из писем. Однако «поиски усредненной позиции» среди множества христианских сект может говорить даже о более высоком развитии:

Проблема конфессиональных различий и целостности человечества

«То, как мы с вами видим мир – этого мало: волеиневолей следует – если мы действительно хотим полностью охватить его умом – взглянуть на него еще с такой точки, откуда поле зрения хоть чуточку будет выходить за рамки мировоззрения христианина, буддиста, etc... <...> Не может человек быть просто протестантом или просто католиком. Слишком легко это, необременительно. Люди-то все между собой – братья, поэтому разве можно одному из них, объявив других больными, отречься от остальных?» [41].

Пастор Вальтер Берннет, с которым К.Г. Юнг вел особо острые заочные дискуссии, опубликовал впоследствии в виде эссе наиболее интересные выдержки из их взаимной переписки. Одно из его заключений звучало так:

«С непреклонной решительностью отстаивая – не приемля при этом перехода нашего с ним разговора в русло экклезиастики – опытные познания человека,

Жизнь
как непрестанная
борьба

этот «непрофессиональный теолог», обладающий, кстати, весьма смелым взглядом на Церковь, в особенности на Протестантскую, ставил довольно острые вопросы касательно современной богословской мысли, своей недоумевающей строгой точностью неожиданно оказавшейся крайне необходимыми для интересов всей теологии» [42].

В письме к своему близкому другу, епископу Виктору Уайту, К.Г. Юнг писал:

«Человек, сладко посапывающий на такой чистой и безопасной скамье в церкви, не достоин высокого звания христианина. <...> По себе знаю: истинный христианин не возлежит, нежась, на ложе из розовых лепестков; жизнь его – непрестанная битва, а не спокойная умиротворенность и не приятная расслабленность ума. Даже несмотря на достигнутое мною Deo concedente, этого некоего подобия мира внутри себя, оплаченного, правда, бушующей войной снаружи, я прекрасно понимаю, что нет на свете более агрессивного человека, нежели чем я. Но каким бы не был человек спокойным, какого высокого уровня своего сознания не достиг бы он, все равно он не в силах избежать яростного конфликта противоположностей в своей душе, поскольку Бог стремится объединить в нем свои противоречия. Когда же, наконец, у человека полностью преображается сознание, он перестает ограничиваться только самим собой, а становится орудием в руках Господа, и это действительно так, без всяких на то шуточек» [43].

(Продолжение следует)

1. Jung C.C. Letters Volume 2, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. – P. 580. Letter to Earl of Sandwich.

2. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. – New York: Vintage Books, 1989. – P. 210–211.

3. Jung C.G. Hannah, op. cit. – P. 264–265.

4. Jung C.G. Letters Volume 1, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – London: Routledge and Kegan Paul, 1972. – P. 258, notes.

5. *Ibid.* – P. 258–286, letters to H.G. Baynes.

6. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. – New York: Vintage Books, 1989. – P. 289–296.

7. *Jung C.G. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – London: Routledge and Kegan Paul, 1972. – P. 343, letters to Anonymous.
8. *Jung C.G. Hannah*, op. cit.. – P. 283.
9. *Jung C.G. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – London: Routledge and Kegan Paul, 1972. – P. 424–425, letter to Eugene H. Henley.
10. *Ibid.* – P. 442, letter to Ernest Anderes.
11. *Ibid.* – P. 443, letter to Jolande Jacobi.
12. *Jung C.G. Brome*, op. cit. – P. 213.
13. *Jung C.G. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – London: Routledge and Kegan Paul, 1972. – P. 377, letter to P.W. Martin.
14. *Jung C.G. Wehr*, op. cit. – P. 292.
15. *Jung C.C. Emma Jung, Toni Wolff*. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. – P. 37–38.
16. *Ibid.* – P. 118.
17. *Jung C.G. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – London: Routledge and Kegan Paul, 1972. – P. 516, letter to Alwine von Keller.
18. *Ibid.* – P. 586, letter to Hanna Oeri.
19. *Jung C.C. Emma Jung, Toni Wolff*. San Francisco: The Analytic Psychology Club of San Francisco, Inc., 1982. – P. 124.
20. *Jung C.G. Wehr*, op. cit. – P. 377.
21. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. – New York: Vintage Books, 1989. – P. 233.
22. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. – P. 137, letter to Fr. Victor White.
23. *Memories, Dreams, Reflections* by C.C. Jung, recorded and edited by Aniela Jaffé. – New York: Vintage Books, 1989. P. 297.
24. *Ibid.* – P. 218–220.
25. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. pp. 20, 112, 115, letters to Aniela Jaffe, Jacob Amstutz, Henry Corbin.

26. *The Collected Works of C.C. Jung*. London: Routledge and Kegan Paul.11, Answer to Job, P. 417.
27. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. P. 155–156, letter to Rev. Erastus Evans.
28. *Ibid.* – P. 72–73, letters to Victor White.
29. *Ibid.* – P. 435–436, letter to Rev. Morton T. Kesley.
30. *The Collected Works of C.C. Jung*. – London: Routledge and Kegan Paul.11, Answer to Job, P. 417.
31. *The Collected Works of C.C. Jung*. – London: Routledge and Kegan Paul.11, *ibid.* – P. 470.
32. *Jung C.G. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – London: Routledge and Kegan Paul, 1972. – P. 127, letter to Poul Maag.
33. *Ibid.* – P. 66, letter to Walter Robert Cofri.
34. *Ibid.* – P. 392, letter to Pastor H. Wagmann.
35. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. – P. 436, letter to Rev. Morton Kesley.
36. *Ibid.* – P. 76–77, letter to Dorothe Houch.
37. *Jung C.G. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – London: Routledge and Kegan Paul, 1972. – P. 96, letter to Anonymous.
38. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. – P. 183, letter to Anonymous.
39. *Ibid.* – P. 4, letter to Heinrich Boltze.
40. *Ibid.* – P. 77, letter to Dorothe Houch.
41. *Jung C.G. Letters Volume 1*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – London: Routledge and Kegan Paul, 1972. – P. 520, letter to Jurg Fierz.
42. Essay by Pastor Bernet, 1996.
43. *Jung C.C. Letters Volume 2*, selected and edited by Gerhard Adler in collaboration with Aniela Jaffé. – Bollingen Series; Princeton: Princeton University Press, 1953. – P. 242, letter to Fr. Victor White.

